

в виду обойму писательских имён в обзорах «Литературной газеты».

В Пермь к Астафьеву потянулись столичные и иные литераторы — он устраивал что-то вроде модных тогда «декад литературы», скажем, латышской, с большими вечерами. Как известно, в ту пору, после посещения Хрущёвым выставки в Манеже и безобразных встреч его с деятелями литературы и искусства, началась борьба с абстракционизмом.

В ПЕРМЬ К АСТАФЬЕВУ ПОТЯНУЛИСЬ СТОЛИЧНЫЕ И ИНЫЕ ЛИТЕРАТОРЫ — ОН УСТРАИВАЛ ЧТО-ТО ВРОДЕ МОДНЫХ ТОГДА «ДЕКАД ЛИТЕРАТУРЫ»

*Мой друг, ты вёл себя бестактно.
А как вести себя?
Аб-стракт-но.*

На местах копировалась Москва. В Перми взяли за Астафьева. В вину ему вменялись «беспартийность, склонность... к правдоискательству (!). И самое опасное то, что это выдаётся за добродетель, за смелость, за новаторство».

Некоторых героев встреч с Хрущёвым, в том числе Вознесенского, перестали печатать. Выступление на вечере в Перми Виктора Бокова было встречено аплодисментами:

*Да здравствует амплитуда:
То падаешь, то взлетишь!*

Он же читал только что написанные стихи Беллы Ахмадулиной, посвящённые Андрею Вознесенскому:

*Когда моих товарищей корят,
Я понимаю слов закономерность,
Но нежности моей закаменелость
Мешает слушать мне, как их корят...
И я его корю: зачем ты лих?
Зачем ты воздучь детским лбом
таранишь?*

*Всё это так. Но всё ж он мой товарищ.
А я люблю товарищей моих...
Всё остальное ждёт нас впереди.
Да будем мы к своим друзьям
пристрастны!*

*Да будем думать, что они прекрасны!
Терять их страшно, бог не приведи!*

